

О МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1941—1956 гг.

С. ГЕЛЬЦЕРЕНЕ

Цель данной статьи — внести некоторые уточнения и дополнения в изучение мемуарной литературы о Великой Отечественной войне, изданной в 1941—1956 гг.

Под термином «мемуарная литература» подразумеваются свидетельства участников или очевидцев тех или иных событий о виденном и пережитом. К мемуарной литературе относятся воспоминания, записки, дневники, а во многих случаях — и письма. Воспоминания могут быть написаны самими авторами, могут создаваться в содружестве с литераторами (если мемуаристу трудно самому изложить то, о чем он хочет рассказать), могут представлять собой стенографическую запись устного рассказа. В данной статье речь пойдет обо всех видах мемуарных произведений, возникших и изданных в указанный период.

Необходимость более пристального изучения мемуарной литературы периода Великой Отечественной войны и первого послевоенного десятилетия вызвана недооценкой, а порою и забвением тех произведений мемуарного характера, которые **появились в печати в 1941—1956 гг.** Ныне, в шестидесятых годах, мемуарные произведения чрезвычайно популярны и издается их с каждым годом все больше. Многие литературоведы стремятся определить место этих произведений в литературном процессе, но при этом чаще всего оперируют материалами, появившимися в последнее десятилетие.

В 1966 г. критик Г. Бровман писал: «Киноочерк „Катюша“, как и многие работы С. Смирнова, как и воспоминания, рассказы, письма фронтовиков — генералов, офицеров и солдат (в том числе и узников фашизма) не только обогатили читателя новыми фактами, наблюдениями, но и открыли новые горизонты военной темы, ее неизведанные глубины и пространства. **А ведь еще десять лет назад у нас совсем не было мемуарных публикаций** (подчеркнуто нами.—С. Г.) и неизвестно, какой обширный материал утерян для истории из-за тогдашнего необоснованного недоверия к воспоминаниям»¹.

¹ Г. Бровман. Проблемы и герои современной прозы. М., 1966, стр. 160.

Примерно то же говорится о мемуарной литературе в статье И. Золотусского «Война и роман»²: «Первые годы после XX съезда КПСС были годами накопления фактов. Факты вышли в свет в первую очередь, они не могли ждать, когда их осмыслят и синтетизируют. **Появились** (подчеркнуто нами.— С. Г.) записки, дневники, воспоминания, документы».

В статье И. Золотусского о мемуарной литературе больше ничего не говорится, а из приведенного абзаца можно сделать единственный вывод: военные мемуары начали появляться только после XX съезда КПСС.

Возможно, что огромное (по сравнению с тем, что было издано в предыдущем пятнадцатилетии) количество изданий мемуарного характера последних лет «заслонило», «оттеснило» изданное ранее, но опыт показывает, что глубоко понять новейшую мемуарную литературу о Великой Отечественной войне нельзя, не проследив, как она начала возникать (с первых дней войны), какой носила характер, как бытовала в течение всех военных и послевоенных лет, а не только последнего десятилетия. В советском литературоведении имеется немало книг, разделов книг, статей, посвященных отдельным группам произведений либо отдельным произведениям, появившимся в те годы, но нет пока исчерпывающего очерка развития мемуаристики в 1941—1956 гг.

Среди других наиболее обстоятельными представляются работы М. Новиковой «Мемуары и жизнь»³ и В. Панкова «Время и книги»⁴. М. Новикова посвятила свой труд воспоминаниям и дневникам крымских подпольщиков-антифашистов. На материале воспоминаний И. Козлова «В крымском подполье» и впервые опубликованных в книге «Мемуары и жизнь» дневников и писем нескольких погибших героев М. Новикова предлагает ряд методов литературоведческого анализа мемуарной литературы.

В. Панков, рассматривая из всей массы воспоминаний 1941—1956 гг. только партизанские, умело вводит героев партизанского эпоса (весьма удачный термин В. Панкова!) в круг героев советской литературы.

В издании мемуарной литературы 1941—1956 гг. были свои подъемы и спады. В общих чертах, кратко, но верно, об этом сказано в статье В. Пискунова «Написано войной»⁵ о развитии темы Великой Отечест-

² И. Золотусский. Война и роман. «Литературная Россия», 1966, № 47, стр. 9.

³ М. Новикова. Мемуары и жизнь. Крымиздат, 1957.

⁴ В. Панков. Время и книги. М., 1964.

⁵ В. Пискунов. Написано войной. В сб. «Живая память поколений», М., 1965, стр. 33—106.

венной войны в советской литературе. В. Пискунов сопоставляет произведения **всех жанров**, и в результате картина получается более полной. Такой подход к изучению литературы, очевидно, целесообразен и с той точки зрения, что дает возможность проследить воздействие одних жанров на развитие других, например, влияние повести и романа на развитие мемуарной литературы.

Мемуаристика 1941—1956 гг. лучше всего изучена историками. Рассматривая изданную и неизданную мемуарную литературу как единое целое, историки **включили ее, на равных правах с другими источниками, в круг исторических источников**. Группа ученых (см. сноски 7, 8, 9) разработала методы установления объективной истины в связи с изложенным в том или ином произведении мемуарного характера.

Но что особенно важно для литературоведения в недавно вышедших работах историков — это **особое внимание к автору мемуарного произведения**. В связи с тем, что в советской исторической науке усилился интерес к мировоззрению, к психологии людей в разные исторические периоды⁶, ценность мемуаров как исторических источников возросла. Через многие работы историков красной нитью проходит мысль, что «взгляды и представления авторов в момент описываемых событий являлись историческим фактом»⁷, а «авторские оценки событий подчас важнее авторских сообщений об этих событиях»⁸.

Полезно напомнить, что все исторические исследования, как правило, пишутся с учетом имеющихся библиографических данных⁹, что не всегда можно сказать о литературоведческих трудах, в которых (так или иначе) рассматриваются мемуары¹⁰. Между историками постоянно возникали и возникают дискуссии по поводу истинности, достоверно-

⁶ А. Я. Гуревич. Некоторые аспекты изучения социальной истории. «Вопросы истории», 1964, № 10, стр. 51—69.

⁷ А. Л. Курносоев. Методы исследования мемуаров (автореферат канд. дисс.). М., 1965, стр. 5.

⁸ Л. М. Рощаль. К методике составления каталогов мемуаров и дневников. Труды Московского гос. историко-архивного института, т. 16, стр. 267.

⁹ Кроме указанных работ, см. особенно богато оснащенные библиографией труды: М. Н. Черноморский. Воспоминания участников Великой Отечественной войны как источник исторических исследований. «Вопросы истории», 1957, № 3. Мемуары как исторический источник. М., 1959. Источниковедение истории СССР. М., 1966.

¹⁰ Ни в одной книге, освещающей историю развития советской литературы, не упоминается библиографический указатель «История советского общества в воспоминаниях современников» (ч. 1, М., 1958). Его нет даже в весьма обстоятельной библиографии к «Истории русской советской литературы» (М., 1961). Это один из фактов недооценки литературоведением жанра в целом. Отдельные мемуарные произведения в указанном издании анализируются.

сти тех или иных конкретных произведений, дискуссии по основному вопросу, какими должны быть мемуары¹¹. Эта борьба мнений постоянно поддерживает внимание к мемуарной литературе. А концентрация сведений, преимущество в изучении мемуаров, достигнутые в советской исторической науке, облегчают точное и целенаправленное изучение любого мемуарного источника как части единого целого — огромной массы мемуарных произведений.

Труды литературоведов и историков дополняют друг друга. Но историки, надо сказать, с большим вниманием относятся к достижениям литературоведов в области изучения мемуаристики¹². Литературоведам, изучающим мемуарную литературу, следует быть в курсе достижений историков, ибо многие проблемы являются общими для исторической науки и литературоведения. Но наряду с общими имеются и чисто литературоведческие проблемы изучения мемуарной литературы. Даже если рассматривать мемуарную литературу только как документальную, как своеобразную основу для художественной литературы, можно проследить многие нити, связывающие эти явления. «Типологические соответствия ведут в сферу характерных особенностей не только поэтического, но и «допоэтического» мышления. Ведь художественная литература возникает на основе того, что и как чувствуют и думают люди. Поэтому было бы особенно важно, устанавливая пласты и всякого рода существенные аналогии, обращаться в то же время не просто к языку той или иной эпохи, а к тому характеру мышления, который сказывается в письмах, мемуарах, в любительской литературе, в памятниках человеческого мышления вообще»¹³ (*подчеркнуто нами.*—С. Г.). Но мемуарная литература включает в себя и «художественную мемуаристику». Вопрос о художественной ценности мемуарной литературы никак нельзя считать решенным.

Для серьезных многосторонних литературоведческих исследований мемуарной литературы необходимо **восстановить наиболее полно фактическую сторону бытования мемуаристики на различных этапах ее развития** (в данном случае в 1941—1956 гг.).

¹¹ Одна из многих статей по этому вопросу: М. Морозов. О военных мемуарах. «Правда», 1967, 5 января. Подробно о разных точках зрения см.: П. Л. Курносков, указ. соч., стр. 6—7, а также: А. Годорский. Размышления над мемуарями. «Литературная газета», 1962, 30 августа; Н. Павленко. Достоверность — главное. Заметки о мемуарной литературе. «Красная звезда», 1962, 25 августа.

¹² А. Л. Курносков в обзоре литературы говорит обо всех важнейших трудах литературоведов по вопросам мемуаристики (указ. соч., стр. 3—5).

¹³ А. Чичерин. Соответствия в истории разных литератур. «Вопросы литературы», 1964, № 10, стр. 179.

При этом особенно важно более точно, чем это делается обычно, использовать, сопоставить и обобщить данные разных наук, занимающихся мемуарной литературой, и более тщательно проанализировать данные библиографии.

Условия возникновения и последующего бытования писем и дневников (1941—1956)

Великая Отечественная война с первых дней разлучила тысячи людей. Многих — навсегда. В дни войны письма приобрели особое значение.

Те, кто пережил войну, хорошо помнят треугольники со штампом «просмотрено военной цензурой» и содержание писем: они были полны ненависти к врагу и любви к Родине, к близким, полны веры в победу даже в самые трудные дни. Таким было состояние духа народа. Писем с фронта и на фронт **были миллионы**. Они часто не заставляли в живых адресата на фронте, в осажденных городах, в партизанских отрядах, да и в тылу, где жилось нелегко...

Но если не было ни вестей, ни извещений о смерти, родные разыскивали близких. Письма-запросы летели в воинские части, в различные организации, в редакции газет и радио. Искали не только фронтовиков, ведь война разлучила матерей с детьми, развеяла многие семьи.

Многие люди получали письма-ответы на запросы, находили своих родных, многие узнавали, где и как погибли близкие люди¹⁴, где они похоронены. Эти поиски (и находки!) продолжаются до сих пор. Бывает, находится сумка погибшего в дни войны почтальона... Сведения о месте и условиях написания письма, о его пути и хранении важны для понимания его содержания.

Лучше изучить эпистолярное наследство военных лет помогает сравнение писем, написанных людьми, поставленными войной как в сходные, так и различные условия.

Недаром не только письма советских людей, но и письма фашистских оккупантов и во время, и после войны привлекали внимание писателей, деятелей кино. Письма шли с фронта, на фронт, а также по всей временно оккупированной врагом территории. Письма фашистов — одно из свидетельств их преступных целей и звериного нутра. Но нельзя не отметить, что, несмотря на строжайшую цензуру, письма иногда от-

¹⁴ Например, письма С. Абрамова и И. Гончаренко о гибели Аркадия Гайдара. «Литературное наследство», т. 78. «Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны. Кн. 2, стр. 378.

ражали перемены, происшедшие под влиянием поражений фашистской армии в сознании многих ее солдат и офицеров. Наблюдения над письмами оккупантов мы находим в «Дневниках военных лет» Вс. Вишневского¹⁵.

Любые письма свидетельствуют о внутреннем мире их авторов, повествуют о событиях времени. Но большинство писем, написанных жителями оккупированных областей и посланных по немецкой почте, могло содержать лишь завуалированные, зашифрованные сведения об истинном положении, а зачастую они создавались в таких трагических обстоятельствах, что в них не могло быть ни слова правды. Фашисты широко использовали переписку для обмана людей. Вывозя людей на смерть¹⁶, на рабский труд¹⁷, фашисты заставляли их писать на родину, что им живется хорошо. Лишь иногда удавалось, благодаря помощи честных людей, минуя официальные каналы, передать письма на волю, на родину. Всемирно известен дневник-обращение к людям Ю. Фучика, переданный им из тюрьмы родным и друзьям. Среди писем из фашистской неволи особо выделяется письмо-завещание доктора Леонида Андреевича Силина, сумевшего в плену спасти многих советских военнопленных¹⁸. Недавно были опубликованы дневники и письма Бориса Вильде, русского, жившего в Париже, участника французского Сопротивления, написанные им в тюрьме¹⁹. Но чаще всего возможности передать письма на волю не было. Герои борьбы с фашизмом, мученики фашизма все же писали, обращаясь к потомкам. Иногда это лишь несколько строк, нацарапанных на стене каземата или написанных кровью на лоскутке²⁰.

Письма к людям создавались в виде дневников, иногда в виде рисунков²¹. Недавно издан дневник советского юноши Сергея Воропаева²², погибшего в фашистском лагере для военнопленных. Еще в 1957 году были частично опубликованы дневники Юрия Носенко и Владимира

¹⁵ Вс. Вишневский. Дневники военных лет. Собр. соч. в 6 томах, т. 4 (М., 1958), стр. 237, 238.

¹⁶ P. Staras. Partizaninis judėjimas Lietuvoje Didžiojo Tėvynės karo metais. V., 1966, стр. 18—19.

¹⁷ А. Кузнецов. Бабий яр. «Юность», 1966, № 9, стр. 26.

¹⁸ Сб. «Говорят погибшие герои». М., 1963, стр. 92—103.

¹⁹ «Литературная Россия», 1964, № 49; 1965, № 23.

²⁰ Сборники «Говорят погибшие герои». М., 1963, 1966 и «Из дневников современников». М., 1965.

²¹ С. Злобин. Этого нельзя забыть (о рисунках московского педагога А. А. Смоленникова, сделанных в фашистском лагере для военнопленных). «Литературная газета», 1959, 20 июня.

²² Сб. «Из дневников современников». М., 1965, стр. 334—350.

Дацуна — руководителей молодежных групп в крымском антифашистском подполье и др. Дневники хранились у родных погибших героев²³. За послевоенные годы в СССР и других странах вышли десятки изданий дневников и писем антифашистов. Особенно много их появилось после 1956 года²⁴.

Условия возникновения и дальнейшего бытования дневников и писем были очень сходны для всех мест, временно оккупированных фашистами. Величайшие испытания и несчастья заставили взяться за перо и описать ужасы происходившего не только многих взрослых, но и детей. Всемирно известен дневник девочки из Голландии Анны Франк, издававшийся и в СССР²⁵. Широко известны в Польше и за ее пределами дневники подростков Давида Рубиновича, жившего в сельской местности около Варшавы, и Давида Сераковяка из Лодзи²⁶.

Люди, зная, что идут на смерть, писали дневники и закапывали их в землю в надежде, что слово дойдет до потомков. Эти дневники продолжают находить и поныне. Недавно, например, в Польше вышла книга «Ищите в пепле»²⁷, рассказывающая о том, как в 1964 г. были найдены дневники нескольких узников Освенцима.

Несколько лет назад опубликовала свой дневник военных лет жительница Вильнюса М. Рольникайте, пережившая гетто и фашистский концлагерь²⁸. Книга была с исключительным интересом и теплотой встречена в СССР и за рубежом, выдержала несколько изданий.

Далеко не все, что было написано и сохранилось в музеях и архивах, издано, особенно дневники и письма, написанные на оккупированной территории²⁹. Этого рода документы, хотя и издавались до 1956 года, но в гораздо меньшем количестве, чем другие дневники и письма.

Некоторые письма и дневники, хотя и не изданы, но изучаются, как произведения фольклора. В книге «Фольклор Великой Отечественной войны» имеются интересные сведения о восприятии дневников и писем

²³ М. Новикова. Указ. соч., стр. 127—138.

²⁴ Перед лицом смерти. Письма приговоренных к смерти борцов итальянского Сопротивления. Перевод с итальянского, М., 1962.

²⁵ Anna Franki Päevik. Tallin, 1958. А. Франк. Дневник. М., 1962.

²⁶ Dziennik Dawida Sierakowiaka. „Iskry“. W., 1959. На русск. яз. Дневник Давида Рубиновича. ж. «Польша», 1960, № 2.

²⁷ Szukajcie w popiołach. Wyd. Łódzkie, 1965.

²⁸ М. Рольникайте. Я должна рассказать. Вильнюс, 1965.

²⁹ В Государственном архиве Литовской ССР находятся дневники Григория Ароновича Шура, написанные в 1943—1944 годах (на русском языке). Это не только сообщения о гибели многих тысяч людей. Это размышления о людях, об их судьбах, о смысле жизни. Дневник пока не опубликован. Коллекция документов еврейских гетто Литвы. № 82.

украинских девушек, угнанных в немецкую неволю. Найденные дневники и письма были прочитаны перед строем советских солдат после освобождения лагеря близ Данцига. Многие солдаты плакали. В книге о фольклоре исследуются также содержание и речевой строй писем, близкий к песенному³⁰.

В действующей Советской Армии большинство солдат и офицеров, естественно, не имели возможности вести дневник. Но все же известны (и изданы) дневниковые записи некоторых солдат, офицеров, военачальников. Дневники вели, как правило, писатели-военкоры, вели их и отдельные партизаны — командиры отрядов, рядовые. Солдатских и партизанских дневников за все военные и послевоенные годы издано сравнительно немного. В начале 1944 года воины, освободившие Керчь, спустились в Аджимушкайские каменоломни. Там был найден дневник неизвестного командира, одного из тех, кто в 1943 г. стояли насмерть. Впервые дневник был опубликован только в 1962 г.³¹

Дневники велись многими молодыми людьми, уходившими на фронт. Многие из тех, кто до войны вел дневник, продолжали при малейшей возможности делать записи и в дни войны. Главной целью таких юношеских дневников было стремление не столько запечатлеть события, сколько определить свое место в строю. Дневники хранятся в музеях, государственных и личных архивах. Многие из них еще ждут опубликования, многие известны по публикациям разных лет³².

Публикация писем и дневников военных лет в 1941—1956 гг.

В годы войны письма стали одним из жанров советской публицистики. Наряду с художественными произведениями — боевой поэзией, рассказами, повестями, романами, драматическими произведениями, очерками и обращениями писателей, наряду с широчайшими возможностями распространения официальных сообщений Совинформбюро, листовок, плакатов, научных статей, обобщающих опыт войны, **подлинные письма брались на вооружение. Выборочная публикация некоторых писем способствовала сплочению людей.** Во время войны публикава-

³⁰ Фольклор Великой Отечественной войны. М., 1964, стр. 401.

³¹ «Военно-исторический журнал», 1962, № 8, переиздан в сб. «В катакомбах Аджимушкая», изд. «Крым», 1966.

³² Например, «Из дневников современников». Рецензент С. Львов. Библиотека, которой еще нет. «Новый мир», 1965, № 8, стр. 246—249.

лись в основном **письма-обращения** ко всему народу, к молодежи, к родным с призывами мстить за поруганную землю, за гибель людей. Сотни писем были напечатаны в армейских и центральных газетах³³, меньше — в журналах. Уже в годы войны письма издавались и переиздавались в сборниках. Например, «Письма с фронта» (Алма-Ата, 1944). Некоторые письма, опубликованные в годы войны, свидетельствуют не только о героизме, самоотверженности советских людей, не только об их ненависти к врагу, но и о разнообразии интересов, которыми жила страна, несмотря на войну. Мы видим огромную тягу к искусству, литературе, внимание к подрастающей смене, заинтересованность в будущем восстановлении разрушенного войной. Письма свидетельствуют о чрезвычайно высоком уровне самосознания и культуры советских людей. Даже в журналах для школьников публиковались письма, причем письма не детски серьезные. Ученики ремесленных училищ писали в журнал «Пионер» о том, как они овладевают мастерством и работают на военных заводах. Тот же журнал опубликовал письмо капитана медицинской службы Е. Уманской, обращенное к школьникам, в котором она учила ребят ухаживать за ранеными в госпиталях. Профессор М. Азатовский опубликовал в альманахе «Новая Сибирь» полученные им письма молодых фольклористов-фронтовиков. Журнал «Знамя» напечатал подборку писем читателей к А. Твардовскому. П. Павленко, рассказав на страницах журнала «Красноармеец» о подвиге десантного отряда майора Ц. Куникова, приложил к очерку письмо Н. Куниковой: «Соратникам моего мужа». «Ивановский альманах» к концу войны опубликовал подборку писем с фронта. В журнале «Крестьянка», в «Блокноте агитатора Красной Армии» несколько раз помещались письма людей, освобожденных Красной Армией из фашистской неволи. Много подлинных писем использовал в своих статьях И. Эренбург. В 1944 г. в журнале «Колхозное производство» были помещены несколько писем о восстановлении хозяйства в колхозах. Следует подчеркнуть, что публиковались письма на языках всех народов СССР. Форма писем была настолько естественной для военного времени, что многие публицистические статьи были написаны в виде писем. («Письма к товарищу» Б. Горбатова «Два письма из Тернополя» К. Симонова и др.)

Очень часто появлялись в печати письма в стихах, иногда настолько талантливые, что «типизировали» содержание миллионов писем. Мно-

---

³³ Сейчас армейские газеты военных лет почти недоступны массовому читателю, но многие письма были **переизданы** в сб. «Говорят погибшие герои», «Солдатские письма» и в периодике 1960—1966 гг.

гие поэты прибегали к форме письма-обращения, безусловно, под влиянием того исключительного значения, которое имели письма в военные годы. На страницах журналов и сборников мы находим и безымянное «Письмо из фашистской неволи» в стихах («Блокнот агитатора») и «Письмо» — стихи С. Гудзенко, и «Письмо — ответ на письмо моряка» С. Капутикян (сб. «Гнев и любовь»), и «Письмо из плена» — стихи Н. Кулатова («Новый мир»), письма в стихах А. Твардовского и А. Прокофьева солдатам («Смена») и др.

Во фронтовой печати появлялось немало сатирических стихов, пародирующих письма фашистов. Например, «Письма немецкого офицера к своей жене Амалии» С. Швецова, написанные в 1942 году³⁴.

После войны публикация писем и дневников приобрела другой характер. В годы войны чаще всего публиковались письма-обращения, письма-призывы, либо письма-ответы на вопросы газет (в 1942 г. например, «Комсомольская правда» провела анкету: «Что дала тебе Родина, Советская власть, чему научили тебя пятнадцать месяцев войны? Чем ты отмечаешь XXV-летие Октября?»). В ответ были получены сотни писем. Напечатана была лишь небольшая часть. Несколько писем были опубликованы почти четверть века спустя³⁵. В послевоенные годы стали публиковаться **письма и дневники, характеризующие то или иное событие, того или иного, чаще всего погибшего, воина.**

Таким изданием, например, была книга «Девушка из Кашина», вышедшая в 1947 г. Это были дневники и письма юной партизанки Ины Константиновой, неоднократно впоследствии переиздававшиеся в СССР и разных странах — Франции, Японии и др. Выходили из печати сборники писем, дневников и воспоминаний, повествующие об обороне Москвы, Ленинграда, Одессы, Сталинграда, Севастополя и других городов, о взятии Берлина. Кроме того, издавалась переписка бойцов-читателей с писателями.

В послевоенные годы наряду с письмами и дневниками погибших солдат, офицеров, партизан, партизанских командиров публиковались дневники воинов, оставшихся в живых. Но чаще всего для тех, кто пережил войну, письма и дневники и по сей день являются основой для будущих воспоминаний.

Основная масса писем и дневников, представляющих общественный интерес, не была издана в 1941—1956 гг., и, несмотря на интенсивное

³⁴ С. Швецов. Сатира пополам с юмором. М., 1966, стр. 25.

³⁵ См. Солдатское письмо. Публикация Ю. Жукова. «Комсомольская правда». 1965 г., 27 апреля.

издание этой литературы в последующем десятилетии, вряд ли представляется возможным опубликовать все, что хранится в личных и государственных архивах. В 1945—1956 гг. письма и дневники публиковались не часто, но их издание все же шло непрерывно, почти ежегодно выходили один-два сборника.

Значение нескольких десятков опубликованных в 1945—1955 гг. сборников и подборок писем и дневников военных лет не только в том, что они по-своему увековечили память авторов, но и в том, что эти издания поддержали весьма важную традицию публикации «человеческих документов» — своеобразных и очень важных памятников эпохи.

Воспоминания

В годы войны на фронт ушли свыше тысячи советских писателей. Многие из них были сотрудниками центральных и фронтовых газет, многие, как Э. Казакевич, уходили из редакций в боевые части, как А. Гайдар — в партизанские отряды и сражались в качестве бойцов и офицеров всех родов войск. Участвовали в боевых действиях, в рейдах партизанских отрядов по тылам врага и работники газет³⁶.

Писатели, журналисты вели дневники с учетом их возможного опубликования. Писатели более чем любые другие авторы дневников понимают, что дневниковые записи являются ценными заготовками для будущих произведений и вместе с тем, эта едва ли не самая свободная форма литературы может обладать самостоятельной художественной и познавательной ценностью. Если очерк создавался на какую-то определенную тематику, то дневник «впитывал» все виденное и пережитое. Но созданные по свежим следам событий дневниковые записи **уже являются своеобразными воспоминаниями**, как весьма близки к воспоминаниям многие очерки о событиях, в которых участвовал сам автор. «До войны газеты не любили печатать очерки, где фигурировало авторское «я» — пишет ныне работник «Правды» С. Гершберг — мотивировалось, как ни странно, тем, что советский журналист из скромности должен свое «я» скрывать, право говорить от собственного имени предоставлялось лишь редким авторам, таким, как Максим Горький или Михаил Кольцов. Во время войны был возрожден жанр очерка с впечатлениями очевидца. «Очерк выиграл в своей убедительности»³⁷. Очерков «традиционной формы» публиковалось больше, чем дневников, записок,

³⁶ Деятельность писателей в военные годы особенно широко освещена в 78 томе «Литературного наследства», а также в книге С. Гершберга «Завтра газета выходит» (М., 1966) и других воспоминаниях о Великой Отечественной войне.

³⁷ С. Гершберг. Указ. соч., стр. 293.

но многие «записки» увидели свет уже в годы войны. В 1941—1942 годах вышли «Записки военного корреспондента» Н. Богданова (в 2-х книгах), книга Г. Нилова «По военным дорогам Подмоскovie» (из полевой тетради), дневник военкора А. В. Полякова «В тылу врага», фронтовые записки В. Н. Ставского, фронтовой дневник Е. Петрова и др. В 1943—1945 гг. были опубликованы дневники и записки А. Фадеева «Ленинград в дни блокады», В. Инбер «Почти три года», С. Борзенко «Из записок военкора», воспоминания Л. Зонина о походе подводной лодки по трассе гитлеровских коммуникаций «2000 миль под водой», «Из военных дневников» К. Симонова. Некоторые «записки», изданные в годы войны, переиздавались впоследствии в 1945—1955 гг., но довольно редко. В годы войны была издана лишь небольшая часть писательских «записок». Их более систематическая публикация началась лишь в шестидесятых годах, но недооценивать того, что появилось в печати в годы войны и в первое послевоенное десятилетие все же никак нельзя. Писатели, работники печати заботились в годы войны о публикации дневников, записок, воспоминаний людей, далеких от литературы. Как бы ни был велик и силен отряд литераторов, профессиональные писатели были не в силах охватить все события. Многие оставались вне поля зрения литературы. И печать предоставила слово людям, которые могли рассказать о том, что им известно лучше, чем другим. В годы войны вышло очень много сборников рассказов участников войны, воспоминаний родных о погибших героях, воспоминаний представителей различных родов войск, партизанских соединений. С конца 1941 г. начали публиковаться рассказы советских людей, освобожденных из гитлеровской неволи. Многие авторы воспоминаний делились боевым опытом, рассказывали о военных буднях, о повседневной жизни. Сборники содержат рассказы людей об обороне их родных городов, например, «За родной город» (Воронеж, 1945). Выходили воспоминания как военных, так и гражданских авторов. (Так, например, в «Новом мире» № 9, 10 за 1941 г. сотрудница яснополянского музея М. Щеголева опубликовала свой дневник «Черные дни Ясной Поляны» — рассказ об оккупации.) Некоторые из них — в стенографической записи. А. Курносов называет дневники и стенографическую запись рассказов о пережитом «протомемуарами». Термин удачен в том смысле, что как-то отличает этот материал от того, который написан впоследствии на их основе, но он несколько принижает самостоятельную ценность дневника.

К концу войны были сделаны попытки более всеобъемлющего освещения событий. В первые послевоенные годы воспоминаний было соз-

дано и издано чрезвычайно много. Некоторые авторы, даже впервые выступившие в литературе, писали свои воспоминания самостоятельно, некоторые прибегали к помощи писателей. Очень распространенной стала так называемая «литературная запись».

Анализ военной и послевоенной мемуаристики показывает, прежде всего, чрезвычайную активность советских людей в области создания мемуаров. Журнал «Знамя» (редактор Вс. Вишневский) более других поддерживал всех, пишущих воспоминания.

Еще в 1944 г. Вишневский записал в своем дневнике: «Надо собирать исповеди, признания, дневники — мечты народа о будущем. Это огромная тема: духовный, эстетический рост, подъем. Россию на первое место! Надо собирать мемуары маршалов, членов Военных советов, генералов, офицеров, рядовых, развивать тему военно-морского флота»³⁸. Независимо от инициативы Вс. Вишневого и журнала «Знамя», в периодике и отдельными изданиями печатались материалы мемуарного характера.

Первоначально условия для появления мемуаров были весьма благоприятными. Но после 1948 года мемуаров стало выходить меньше. В печати шестидесятых годов часто можно встретить утверждение о недоверии к мемуарам, которое действительно имело место в 1948—1954 гг. В. Пискунов отмечает, что «не случайно хлынувший было поток документальных книг постепенно истощается (чтобы с новой силой возродиться в наше время!): личный опыт человека порою ставился тогда под сомнение, пережитое казалось куда менее достоверным, чем сконструированное по умозрительным стандартам»³⁹.

Письма, дневники, записки военных и первых послевоенных лет по своему содержанию ближе всего стоят к романам и повестям о военных буднях, таким, как «В окопах Сталинграда» В. Некрасова и «Спутники» В. Пановой. Авторам этих книг в 1947 г. было присвоено звание лауреатов, но «чем дальше, — пишет В. Пискунов — тем большему обстрелу подвергались их книги. Попытки самостоятельно исследовать сложную правду войны пресекались»⁴⁰.

О недоверии к мемуарам правильно упомянул Г. Бровман⁴¹. О «нигилистическом отношении к мемуарам» говорится и в «Истории Великой

---

³⁸ Вс. Вишневский. Дневники военных лет (1943—1945 гг.). Собр. соч., т. 4, стр. 625—626.

³⁹ В. Пискунов. Указ. соч., стр. 79—80.

⁴⁰ Там же, стр. 80.

⁴¹ Г. Бровман. Указ. соч., стр. 160.

Отечественной войны»⁴². Многие стороны жизни военного времени почти вообще не были отражены в **изданных** воспоминаниях. Не было мемуаров военачальников, повествующих о крупных битвах, о всем ходе войны. Казалось, что временные неудачи и великие победы вполне объяснимы стратегическим гением Верховного главнокомандующего, и подробные мемуары вообще не нужны. Не было воспоминаний о многих сторонах жизни в оккупации⁴³, в фашистском плену. Многие узники фашизма, борцы сопротивления были незаслуженно репрессированы, и потому их мемуары, естественно, были нежелательны в печати. Запрет одних тем повлек за собой частичный запрет других. Критика, в частности, стала nastороженно относиться к изображению военного быта⁴⁴. Показательна в этом отношении дискуссия, которая проходила в течение апреля—июня 1948 года о книге Ольги Джигурда «Теплоход «Кахетия»»⁴⁵. Автор книги, военный врач, человек с большим жизненным опытом, поделилась с читателями воспоминаниями о рейсах корабля, на котором ей пришлось служить. «Кахетия» курсировала между осажденным Севастополем и Кавказским побережьем. Из Севастополя теплоход вывозил раненых, в Севастополь привозил подкрепление и боеприпасы. Книга была высоко оценена многими представителями состава Черноморского флота, многими писателями⁴⁶. В то же время она подверглась резкой критике со стороны Е. Книпович⁴⁷ и В. Лившица⁴⁸, которые обвиняли автора в нескромности, бестактности, фактически лишая О. Джигурда права на высказывание своих оценок происшедшего. Выступившие в защиту книги О. Джигурда Петр Вершигора⁴⁹ и Ольга Немеровская⁵⁰ убедительно доказали право мемуариста писать о том, что ему известно лучше, чем другим, и высказывать свои взгляды и мнения.

---

⁴² История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг., т. 6, стр. 412.

⁴³ В 1946 г. появились книги о вильнюсском, минском, каунасском гетто (на еврейском яз.). Впоследствии эти книги не переиздавались. Книга о минском гетто была издана в русском переводе Ю. Смолляр «Мстители гетто», М., 1947.

⁴⁴ См. В. Пискунов. Указ. соч., стр. 80.

⁴⁵ О. Джигурда. «Теплоход «Кахетия». «Знамя», 1948, № 1, 2.

⁴⁶ «Литературная газета», 1948, 8 мая. Обсуждение книги О. Джигурда «Теплоход «Кахетия».

⁴⁷ Е. Книпович. Когда отсутствует внимательный редактор. «Литературная газета», 1948, 13 марта.

⁴⁸ В. Лившиц. О записках О. Джигурда. «Звезда», 1948, № 4, стр. 143—145.

⁴⁹ П. Вершигора. О бывалых людях и их критиках, «Звезда», 1948, № 6, стр. 105—108.

⁵⁰ О. Немеровская. Еще раз о записках О. Джигурда. «Звезда», 1948, № 7, стр. 109—112.

Ныне забытая, это дискуссия в целом была неодобрительно оценена в печати, как ненужная⁵¹, но, очевидно, подобная дискуссия, все же была нужна, так как она вскрыла противоречивые взгляды на специфику мемуарной литературы. Резкое выступление Вершигоры, вызвало ряд нападок на него самого. К сожалению, многое, о чем говорил П. Вершигора, им самим не было раскрыто, не было объяснено. Трудно установить, что именно он имел в виду, говоря о невозможности писать правду о войне.

Против Вершигоры выступил с письмом в редакцию газеты «Культура и жизнь»⁵² полковник А. Прохоров. По мнению А. Курносова, «Среди рецензий на воспоминания, публиковавшиеся в сороковых — начале пятидесятых годов, особое место занимает отзыв А. Прохорова на мемуары П. П. Вершигоры. Это письмо в редакцию оказало определенное влияние на эволюцию текста данных воспоминаний, а также и на развитие мемуарной литературы в целом. Его автор упрекал П. Вершигору в «неправильном» освещении ряда вопросов истории партизанского движения, он не учитывал ограниченность индивидуального опыта мемуариста и отрицал его право на выражение своих личных взглядов и представлений. Такой подход к мемуарам означал отрицание субъективности как существеннейшего и давно признанного наукой свойства этого жанра»⁵³.

В 1948 году подверглись критике многие мемуарные произведения, особенно «беглые, расположенные в случайном порядке записки, которые, как правило, натуралистически запечатлевают лишь тот или иной факт, не прошедший сквозь призму художнического восприятия жизни, таят в себе опасность несвойственного советскому писателю объективизма, когда правда факта не только не поднимается до правды жизни, правды истории, но порою прямо противоречит ей»⁵⁴.

Критика мемуаров в 1948 году привела к тому, что их стали меньше печатать, а следовательно, и меньше писать. Однако не только критика, думается, была причиной спада. Очевидно, были и другие причины.

---

⁵¹ А. Никольская. Путаные речи с трибуны писателя. «Литературная газета», 1948, 31 июля. Без любви и вдохновения (критика и библиография в журнале «Звезда»). «Литературная газета», 1948, 18 сентября.

⁵² А. Прохоров. Почему не устраняются недостатки книги при ее переиздании. «Культура и жизнь», 1948, 30 ноября.

⁵³ А. Курносов. Указ. соч., стр. 5.

⁵⁴ Н. Калитин. Обзор журнала «Знамя» за 1947 год. «Литературная газета», 1948 год, 4 февраля.

Война понемногу уходила в прошлое. Все силы надо было отдавать восстановлению разрушенного. Как бы «некогда» было оглядываться назад.

С другой стороны, в 1944—1948 годах было выпущено так много мемуарных произведений, что эта литература требовала усвоения. Многие произведения стали чрезвычайно популярными, многократно переиздавались. Они содержали автобиографии и биографии героев, отражали многие стороны жизни советской страны в довоенные и военные годы. Богатейший материал этих книг отчасти удовлетворял потребность в знании фактов недавней истории. К тому же, не надо забывать, что первенство в литературе было за другими жанрами.

При ограничении издания и создания мемуарных произведений после 1948 года, совсем прекратить их выпуск было невозможно. В журналах мемуаров стало печататься меньше, но они продолжали выходить отдельными изданиями в центральных и областных издательствах. Больше всего — в издательстве «Молодая гвардия», затем в издательстве «Советский писатель», Детгизе, а также в Воениздате и др. Зачастую одна и та же книга выходила в нескольких издательствах, переиздавалась по нескольку раз в год, например, мемуары П. Игнатова, П. Вершигоры, И. Кожедуба, И. Козлова, Л. Космодемьянской, Е. Кошевой и др. Областные издательства издавали книги о событиях и жителях данной местности, а также переиздавали воспоминания, изданные центральными издательствами. Многие мемуарные произведения были изданы и в городах, отдаленных от фронтов Великой Отечественной войны — в Новосибирске, Магадане, Куйбышеве. Во всех издательствах вместе взятых в период с 1948 по 1952 г. ежегодно выходило от 20 до 30 изданий мемуарного характера, после 1952 года — несколько меньше. Переиздавались уже известные, «апробированные» воспоминания, продолжали создаваться и новые, например, «Подземный госпиталь» — продолжение воспоминаний О. Джигурда (Симферополь, 1950). Интерес к мемуарным произведениям не только продолжал существовать, но и возрос. В 1951 году со статьей, призывающей создавать мемуары, выступил С. С. Смирнов⁵⁵. Не только не исчезло, но и усилилось стремление советских людей высказаться, поделиться воспоминаниями и выводами из пережитого. Слишком много было пройдено и пережито!

---

⁵⁵ С. Смирнов. О литературной записи (в порядке обсуждения). «Литературная газета», 1951, 19 апреля.

В связи с пересмотром (примерно с 1954 года) отношения к людям, бывшим в плену, в оккупации, стало возможным опубликование воспоминаний о муках неволи и борьбе с фашистскими извергами. Напомним, что с 1941 по 1947 год было опубликовано немало рассказов об этом, но с 1947 года такие материалы почти не появлялись. В 1954—1956 гг. появилось около шести названий. Одной из первых была повесть Ю. Пиляра «Все это было»⁵⁶. Интересно отметить, что «Слово перед казнью» Ю. Фучика, «Живые борются» Ж. Лаффита были в 1946—1955 гг. несколько раз изданы в СССР, но с 1947 до 1954 года подобных произведений о советских людях почти не было издано.

В связи с более углубленным изучением событий войны в свете материалов XX съезда возникла потребность в мемуарах военачальников и видных деятелей, написанных не только на основе личных воспоминаний, но и на основе повторного анализа событий с использованием различных, в том числе и архивных, материалов. Однако привлечение дополнительных источников не значит, что мемуарист не должен вспоминать свои переживания в тот или иной период, в той или иной обстановке.

С 1957—1958 гг. регулярно стали выходить воспоминания военачальников Советской Армии, вместе с тем продолжали и продолжают выходить воспоминания и дневники рядовых участников войны, все более разнообразные по тематике, все более глубокие по содержанию. В центре внимания авторов этих книг стоит человек, советский человек — гражданин Родины.

Очень многие люди уже в годы войны и в послевоенные годы проявили способность не только рассказать о пережитом, но **осмыслить и объяснить факты**. Выросло умение восприятия мемуарной литературы. Обычно, говоря о популярности мемуаров, эту популярность объясняют стремлением читателя узнать новые факты, новое освещение известных фактов. Иногда объясняют тем, что читателю «приелась красоты стиля» повестей и романов, несвойственные бесхитростным автобиографическим рассказам. Все это верно. Но следует обратить внимание на еще один момент восприятия. Мемуарный жанр (независимо от того, являются ли воспоминания произведением художественной мемуаристики или нет), обладает рядом особенностей: в произведениях этого жанра естественна, а потому и допустима кажущаяся или действительная незаконченность, фрагментарность, рыхлость компози-

---

⁵⁶ Ю. Пиляр. Все это было. «Новый мир», 1955, № 10, стр. 113—158; № 11, стр. 85—132.

ции, отсутствие сюжета. Все это, думается, оставляет большой простор для «доработки» произведения в сознании читателя, чем произведения других жанров. Многие читатели настолько подготовлены к восприятию мемуарных произведений, что для них это труд, сходный с трудом писателя, с той разницей, что образы, возникшие в сознании читателя, не фиксируются на бумаге. Богатая фактами, меткими замечаниями, образными выражениями мемуарная литература — прекрасный материал для сравнений, сопоставлений, для создания обобщенных образов. Читатель (речь идет о читателе, знакомом с произведениями других жанров), сопоставляет героев мемуарных произведений с героями романов, рассказов. Происходит и обратный процесс: читатель прибегает к мемуаристике, как к литературе документальной, чтобы проверить правдой жизни правду искусства.

Бывает, что реально существующие герои документальных произведений воспринимаются, как сложные обобщенные художественные образы. Говоря о подобном восприятии киноочерка «Катюша», Г. Бровман пишет: «Мне сдается, что тут появилась какая-то общая закономерность сегодняшнего движения фронтовой темы: слияние прошлого с настоящим, жажда исторической точности и психологической правды, где драматизм и героика событий органически сплавлены воедино в грандиозных свершениях войны и в микроскопическом душевном мире отдельного бойца. Отсюда — интерес к документальной литературе, к мемуарной прозе, к истории жизни того или иного реального человека, прошедшего сквозь огонь войны, а ныне современника 60-х годов, участника наших сегодняшних мирных дел»⁵⁷. Все, сказанное Г. Бровманом о документально-мемуарной прозе 60-х годов, в большой мере может быть отнесено и к мемуарной литературе 40-х и 50-х годов. Как уже отмечалось⁵⁸, и в упомянутой работе Г. Бровмана, и в других работах произведения мемуарной литературы о Великой Отечественной войне, изданные в 1941—1956 гг., так сказать, «сбрасываются со счета», в то время, как без их всестороннего изучения невозможно понять природу нынешнего расцвета мемуаристики.

В нашей статье были рассмотрены только некоторые стороны развития военной мемуаристики, в частности, особенности ее издания в 1941—1956 годах. Но даже скудные данные о появлении произведений в печати, свидетельствуют о том, что в годы невиданного героизма, невиданной активности масс выступления советских людей в печати с рас-

⁵⁷ Г. Бровман. Указ. соч., стр. 161.

⁵⁸ Г. Бровман. Указ. соч., стр. 160. И. Золотусский. Указ. соч., стр. 9.

сказами о времени и о себе — это неотъемлемая черта эпохи. И если даже возникали преграды публикации мемуарных произведений, всегда существовала тенденция к преодолению этих преград.

**Статистические данные об издании в СССР в 1941—1956 гг.
произведений мемуарного характера (на русском языке) о Великой
Отечественной войне⁵⁹**

Годы	Журнальные публикации	Отдельные издания		Примерные тиражи книг в тыс. экз.	Переводы на иностранные языки
		первые	повторные		
1941	8	6	2	от 7 до 50	нет
1942	10	23	5		данных
1943	21	15	—	15—20	нет
1944	18	17	1	15—50	данных
1945	ок. 40	24	4	30—150	24
1946	ок. 40	11	1	7—50	27
1947	ок. 40	21	5	20—150	10
1948	ок. 40	20	10	20—150	19
1949	10	14	14	20—450	51
1950	7	15	16	15—250	30
1951	3	12	9	15—200	37
1952	4	7	12	15—100	30
1953	5	7	7	15—75	45
1954	4	10	6	20—105	25
1955	4	10	7	15—105	17
1956	8	19	7	30—200	10
общее к-во	ок. 262	226	104	средн. тираж	325
Для сравнения 1957 (только в журн.)	60			прим. 50 тыс. экз.	

Таблица составлена на основе сопоставления данных библиографических указателей:

1. История советского общества в воспоминаниях современников, ч. I, М., 1958; ч. II, вып. 2, М., 1967.

2. Н. Н. Мац у е в. «Советская художественная литература и критика». М., «Советский писатель» (несколько выпусков, изданных в 1954—1953 гг.).

3. Произведения советских писателей в переводах на иностранные языки. Отдельные зарубежные издания 1945—1953 гг. М., 1954⁶⁰.

Июнь, 1967

Вильнюсский гос. педагогический институт

⁵⁹ Примечание: «Первые издания» произведений включают в себя и переиздания журнального варианта.

⁶⁰ Данные «Указателей» в некоторой степени дополнены, так как ни один из них не претендует на полноту. Дополнительные сведения были почерпнуты из «Летописи журнальных статей», «Книжной летописи». Но так как многоотомная библиографическая летопись не была просмотрена детально, цифры несколько занижены (особенно для 1945—1948 гг.), что не мешает таблице в общем отражать картину издания мемуарной литературы в 1941—1956 гг.

APIE 1941—1956 m. LAIKOTARPIO MEMUARINĘ LITERATŪRĄ

S. HELTSERIENĖ

Re z i u m ė

Nuo 1941 m. iki 1956 m. Tarybų Sąjungoje iš spaudos išėjo daugiau kaip šeši šimtai memuarinio pobūdžio leidinių, neišskiriant ir pakartotinių leidinių,— tai dienoraščiai, laiškų rinkiniai ir prisiminimai apie Didįjį Tėvynės karą. Šių leidinių literatūros mokslas dar nėra pilnai išstudijavęs. Matyt, taip yra todėl, kad kai kurie literatūros tyrėjai nepakankamai vertina memuarinę literatūrą, išleistą 1941—1956 m. laikotarpiu, ir, stengdamiesi apibrėžti karinės memuaristikos vietą literatūriniam procese, apsiriboja daugiausia 1956 m. iki 1966 m. išleistais šios rūšies veikalais. Tuo tarpu pastarajame dešimtmetyje Tarybų Sąjungoje itin išpopuliarėjusius karinės-memuarinės literatūros kūrinius pilnai suprasti padeda kaip tik tie memuariniai veikalai, kurie buvo sukurti ir išleisti nuo Didžiojo Tėvynės karo pradžios iki pat 1956 m.

Sio straipsnio tikslas — pamėginti nušviesti memuarinių kūrinių atsiradimą ir visą tolesnę jų eigą (saugojimą, leidimą, platinimą) karo ir pokario metais. Ypač daug dėmesio skiriama memuarinių kūrinių leidimui, nurodomos ir išaiškinamos įvairios šios rūšies literatūros leidimo tendencijos, sąlygojamos istorinių įvykių.

ON MEMOIR LITERATURE IN THE YEARS 1941 TO 1956

S. HELTZERIENĖ

S u m m a r y

From 1941 to 1956 in the USSR appeared more than six hundred editions (editio princeps and later editions) in the genre of memoiristics: diaries, books containing personal letters, remembering of the participants of the Great Patriotic War.

These editions are still insufficiently studied by literary criticists. May be therefore they are underestimated by some scholars, who wanting to determine the place of war-memoiristics in the process of literary creation, are generally operating only with the books that appeared between the years 1956 to 1966. On this time the highly

popular of the last decade editions of war-memoirs in the USSR can not be fully understood without connection with the books of the corresponding genre, that appeared from the very beginning of the Great Patriotic War till 1956.

The author in the present article tries to deal more completely, than it was formerly done in literary criticism with the reconstruction of the origin of memoiristics as a whole and their further revival at wartime and the post-war years. Special attention is paid on the printing of the works, with the emphasising and explaining of various tendencies in the field of the edition of memoir works, depending from various historical events.